

Когда Руан пришёл в себя, солнце уже взошло.

Даже сквозь сомкнутые веки он ощущал мягкий утренний свет и попытался поднять руку, чтобы прикрыть глаза. Но едва напряг мышцы, как по руке пронеслась острая боль.

От неожиданно сильной ломоты остатки сонливости мгновенно развеялись. И только тогда он осознал, что странно ощущается не только рука. Всё тело болело, будто его избили палками. Не было ни одного места, ни сустава, ни уголка, который бы не ныл.

Особенно между бёдер...

— М-м...

В общем, состояние его тела было поистине ужасным.

То, чем они занимались, было сексом, так почему же его тело чувствовало себя так, будто он подвергся пыткам или жесточайшей тренировке?

Руан попытался восстановить в памяти последнюю сцену, которую помнил с прошлой ночи.

— Ваша Светлость... я больше не могу...

— Нет, ты можешь.

— Пожалуйста, хватит...

— Ещё раз. Всего один раз.

Если так подумать, пожалуй, это не так уж и отличается от тренировки...

— Хм...

Руан тяжело вздохнул и, осознав, что ему не скрыться от солнечного света, приоткрыл заспанные глаза. Через щель между занавесками струился мягкий утренний свет. Глядя на него, он погрузился в ленивую дремоту.

Его тело было слишком изнурено, чтобы даже пошевелить пальцем. Попытка передвинуться означала бы стон боли за каждое преодоленное миллиметровое расстояние, поэтому он предпочёл остаться растянувшимся на кровати.

Пытаясь найти позу, в которой боль ощущалась бы меньше всего, Руан вдруг почувствовал что-то у своей ноги.

Твёрдое прикосновение к икре, чуть более высокая температура, чем у него самого...

Похоже, это была чья-то обнажённая нога.

Неожиданное ощущение дежавю вызвало у него улыбку.

Руан зарылся в подушки, вспоминая весеннее утро год назад, похожее на это.

«Неужели... с тех пор уже прошёл год?»

Тогда он слёг с простудой, а очнувшись, обнаружил себя в постели нагим... а рядом — обнажённого Северного герцога, который, как говорили, запросто мог снести голову.

Более того, герцог просто поднялся и, ничуть не смущаясь своей наготы, зашагал прочь.

«Теперь-то я знаю, что он, наверное, перемещался в облике кота. Но тогда я чуть в обморок не упал».

Живо вспоминается, как он, в ужасе от мысли, что герцог может бродить по улицам голым в поисках его, в панике собрал вещи и отправился напрямик в герцогский дворец.

Тогда для Руана герцог всё ещё был грозным правителем Севера, пострадавшим из-за него.

Руан медленно повернул голову и посмотрел на того, кто лежал рядом.

Густые чёрные волосы, безупречно чёткие черты лица, взгляд, когда-то казавшийся ему не менее пугающим, чем его собственное будущее после переселения в это тело.

Спокойное лицо с закрытыми глазами ничуть не отличалось от того, что он видел в тот день. Но чувства Руана, смотревшего на него, были совершенно иными.

Ему хотелось протянуть руку и нежно коснуться этого идеального лица, хотелось мягко поцеловать чистый лоб, но в то же время он боялся потревожить его крепкий сон. А потому он мог только смотреть, испытывая тёплое, пульсирующее в груди чувство, разливавшееся по телу, пока дыхание невольно не стало глубже.

В солнечном свете, пробивающемся сквозь занавески, как пыльца в утреннем воздухе, он осторожно перекатил на языке имя этого тихо сияющего чувства.

«Любовь».

Как леденец, медленно тающий на языке, это слово оставляло после себя сладкое послевкусие.

Он был настолько прекрасен, что от одной мысли об этом сердце сжималось. Такой любимый, такой дорогой... Как же хорошо, что именно ему, Руану, было даровано это чувство и эта близость.

От щекотливого чувства в глубине груди Руан невольно пошевелил пальцами ног.

И вот, когда он с широко открытыми глазами смотрел на герцога.

Тот без всякого предупреждения открыл глаза.

Золотые глаза, сузившиеся от солнечного света, с того самого момента, как они открылись, ясно и отчётливо устремились на Руана. Это был необычайно ясный взгляд, непохожий на взгляд только что проснувшегося человека.

«Как можно проснуться и сразу быть таким красивым...» — мелькнула мысль у Руана.

И тут же он кое-что понял.

Несмотря на то, что прошлой ночью он наверняка выплакал немало слёз, веки его сейчас не были опухшими или раздражёнными.

«Странно...»

Руан нахмурился, вспоминая, и понял, что дело было не только в этом. Когда он терял сознание, он был измазан всевозможными жидкостями, и всё тело было липким...

— Почему кожа такая сухая и чистая? — тихо пробормотал себе под нос Руан от удивления.

— Я вылизал тебя.

Донёсся до него ответ, которого он никак не ожидал.

Руан, который с дрожащими глазами смотрел на своего чрезмерно красивого возлюбленного, переспросил:

— ...Что?

Но герцог с совершенно невозмутимым лицом повторил всё тем же спокойным голосом:

— Я сказал, что вылизал тебя.

Этот кот... только что признался, что...

Вылизал его?!

В странных чувствах Руан моргнул несколько раз, затем попытался приподняться, чтобы проверить своё тело.

— А-ах!

Но тут же вскрикнул. Его тело было в таком плачевном состоянии, что не осталось ни одной части, свободной от мышечной боли.

Руан стиснул зубы от ужасающей боли. И тут в его памяти всплыло воспоминание о безжалостном обращении с ним прошлой ночью. Он бросил свирепый взгляд на виновника своего состояния.

— Ваша Светлость! Вы же не какое-то животное... а, нет, вы-то как раз животное. В любом случае, я же просил вас остановиться, говорил, что уже не могу, как же вы могли так изнурять человека?

Герцог, молча наблюдавший за ним своими золотыми глазами, внезапно задал вопрос:

— Знаешь ли ты?

— Что именно? — раздражённо ответил Руан.

Герцог ответил с таким же непоколебимым спокойствием, словно говорил об очевидных вещах:

— У котов нет отдельного периода гона.

Руан моргнул, не сразу поняв смысл сказанного.

— ...Что?

Периода гона... нет?

В тот момент в голове Руана промелькнули действия герцога во время периода «монстр-волны», которые невозможно было объяснить иначе, как брачный период, и его вчерашний дикий облик, похожий на зверя, охваченного страстью.

Если это не гон, то что же это было всё это время?

Руан нахмурился, глядя на герцога, явно не понимая, что тот имеет в виду. Герцог же продолжал объяснять своим невозмутимым голосом:

— У котом возбуждение вызывается возбуждением партнёра.

...Что?!

Руан ошарашенно посмотрел на него. Но герцог, не обращая внимания на его потрясение, беззаботно продолжил:

— То есть я возбуждаюсь только тогда, когда возбуждаешься ты. Так что вчера...

Лицо Руана мгновенно вспыхнуло.

— Ты был первым, кто начал.

Нет. Что это значит?

Если это правда... значит, все те моменты, когда он считал, что герцог был охвачен страстью, на самом деле...

Значит, всё это время... это был он сам?!

«Безумие».

Руан инстинктивно попытался поднять руку, чтобы спрятать лицо, но его тело, измученное ночным натиском, отказалось повиноваться. Волна боли снова пронзила мышцы, заставив его застонать. Герцог, похоже, посочувствовал ему, потому что начал облизывать его руку.

От этого ощущения вновь вспомнились слова герцога о том, что он вылизал его тело дочиста после близости, и Руан крепко зажмурился.

«Что же это вообще такое...»

Только что он наслаждался первыми мгновениями утра после проведённой вместе ночи, пропитывался нежностью к своему возлюбленному... Но вместо сладких чувств его захлестнул поток шокирующих откровений, вызывающих головокружение.

Пытаясь взять себя в руки, Руан внезапно задумался.

Когда он осознал свои чувства к герцогу, ему было не до размышлений, а только что он был слишком поглощён любовью, чтобы задуматься над этим...

Но теперь возник вопрос:

«Как, чёрт возьми, вообще выглядит роман с котом?!»

Поскольку это была проблема, о которой он никогда не задумывался, ответ не приходил на ум, и он пребывал в замешательстве.

И в этот момент он заметил, что герцог, вместо того чтобы облизывать его руку, теперь лижет... его палец.

На котором ощущалось что-то странное.

Он перевёл взгляд и увидел...

— Говорят, у людей это то же самое, что и метка, указывающая на принадлежность к стае, не так ли?

На безымянном пальце его левой руки теперь красовалось роскошное кольцо.

<http://bllate.org/book/12567/1117865>